

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

_____
(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовно-правовой анализ преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ»

Студент

Д.В. Бобкова

_____
(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

Н.Ж. Данилина

_____
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

В рамках данной работы была рассмотрена уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. В работе проведен сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за доведение до самоубийства по отечественному и зарубежному законодательству, исследованы объективные и субъективные признаки преступления, рассмотрены особенности квалифицирующих признаков преступления, а также исследованы дискуссионные вопросы по данной теме.

Структура работы определена поставленной целью и задачами и включает в себя введение, две главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Во введении определена актуальность работы, поставлены цели и задачи.

В первой главе «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства по отечественному и зарубежному законодательству» рассматриваются исторические изменения российского и зарубежного законодательства, касающиеся норм о доведении до самоубийства.

Во второй главе «Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ» рассматриваются особенности объективных и субъективных признаков, квалифицирующие признаки, а также особенности разграничения со смежными составами преступления.

В заключении содержатся обобщенные выводы по проделанной работе, а также сформулированы предложения по разрешению дискуссионных вопросов.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Уголовная ответственность за доведение до самоубийства по отечественному и зарубежному законодательству	6
1.1 Ретроспективный анализ уголовной ответственности за доведение до самоубийства по отечественному законодательству	6
1.2 Уголовно правовой анализ за доведение до самоубийства по зарубежному законодательству.....	17
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ	27
2.1 Объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ	27
2.2 Субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ	39
2.3 Квалифицирующие признаки доведения до самоубийства, предусмотренные ч.2. ст.110 УК РФ.....	45
Заключение	56
Список используемой литературы и используемых источников	60

Введение

Данная тема является весьма актуальной в связи с тем, что жизнь - самое ценное, что есть у человека и совершенствование правовой системы охраны жизни человека является гарантом цивилизованного общества. В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». [24]

В настоящем времени все большее распространение получает такое явление как самоубийство. Но не всегда самоубийство совершается по волеизъявлению человека. Его могут целенаправленно довести или склонить к суициду. Несомненно, в группе риска находятся дети и подростки, у которых еще не до конца сформирована психика. Подросток не может найти своего места в жизни, ему кажется, что его не понимают, он импульсивен в своих решениях и отчасти не понимает всю серьезность своих действий. Российское законодательство закрепляет ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

В 2021 году в Российской Федерации по данным Федеральной службы государственной статистики покончили жизнь самоубийством 16546 человек, из них 13731 мужчин и 2815 женщин. Россия занимает 1 место в Европе по числу детских суицидов, а в мире Россия варьируется между 2 и 3 местом [3]

Раскрываемость таких преступлений очень низка, что позволяет избежать наказания действительно виновным лицам. Так, согласно статистическим сведениям судебного департамента Верховного Суда РФ за 2020 год по ч. 1 ст. 110 УК РФ было осуждено – 5 человек; по ч. 2.ст. 110 УК РФ – 1 человек [36]

Научная разработанность. Авторы, производившие историко-правовой анализ и посвятившие ему свои работы: А.А. Цыркалюк, А.Ф. Кистяковский, А.В. Лохвицкий, С.В. Юшков, Н.С. Таганцев, В.Б. Хатуев.

Признаки состава преступления предусмотрено ст.110 УК РФ изучали такие авторы как: Ю.А. Чернышева, В.П. Ревин, А.А. Пионтовский,

И.А. Алиев, Ю.А. Уколова, В.Н. Кудрявцев, А.В. Чернов, Р.Р. Галимов, В.Ш. Аюпов, С.В. Бородин, П.Н. Сбирунов, А.А. Мамчуева, Т.А. Новикова.

Вопрос особенности квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 110 УК РФ были рассмотрены в научных работах таких авторов как: Э.В. Рыжов, Н.А. Егорова, В.М. Лебедева, Б.С. Никифоров, А.И. Рарог, Л.Л. Кругликов, А.Л. Иванов.

Объект бакалаврской работы - общественные отношения, возникающие впоследствии применения нормы уголовного закона, предусматривающей основания для квалификации действий как доведение до самоубийства или покушения на него.

Предмет данной работы – нормы права и правоприменительная практика, закрепляющая основания, условия и порядок привлечения лица к ответственности за доведение до самоубийства или покушение на него.

Цель работы – уголовно-правовой анализ особенностей применения нормы права, предусматривающей основания для квалификации действий как доведение до самоубийства или покушение на него.

Задачи работы – проведение сравнительно-правового анализа уголовной ответственности за доведение до самоубийства по отечественному и зарубежному законодательству, исследование объективных и субъективных признаков преступления, рассмотрение особенностей квалифицирующих признаков преступления, разграничение состава, предусмотренного ст. 110 УК РФ со смежными составами, исследование дискуссионных вопросов по данной теме, а также проведение анализа материалов судебной практики.

Структура работы – данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Уголовная ответственность за доведение до самоубийства по отечественному и зарубежному законодательству

1.1 Ретроспективный анализ уголовной ответственности за доведение до самоубийства по отечественному законодательству

Считается, что значению жизни, праву существования человека разумного, бессмертию, посвящается огромное количество научно-правовых источников. Рассуждая о жизни, возникает идея добровольного отчуждения у человека права на собственное продолжение жить, появляется так называемое «право на смерть». [5]

Историческое развитие российского уголовного права выражало полемичное отношение к доведению до самоубийства, опираясь на происходящие в стране политические, экономические и религиозные изменения. Значение явления «доведение до самоубийства», как правового института, необходимо изучать, обращаясь к историческому прошлому путем ретроспективного анализа.

Под обращением к историческому прошлому А.Ф. Кистяковский понимал, что «только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. Без совета истории как науки, трактующей о постепенном развитии рода человеческого, уголовное право прежних формаций являлось бы во многих пунктах произведением умопомешанного». [49]

В связи с разрозненностью точек зрения отечественных ученых о периодизации истории развития законодательства о доведении до самоубийства, исходя из анализа исторических и научных источников, ряд ученых выделяет пять этапов развития законодательства о доведении до самоубийства в российском уголовном праве: первый этап (до X века) - старославянский дохристианский; второй этап (XI-XV век) - древнерусский

христианский; третий этап (XV века - 1917 год) - имперский; четвертый этап (1917-1996 гг.) - советский; пятый этап (1996 год - до настоящего времени) - современный.[27] Однако А.А. Цыркалюк считал правильной иную систематизацию развития ответственности за доведение до самоубийства и предлагает рассматривать ее в четырех периодах: неcodифицированный период (до 1845 г.); уложенческий период (1845-1917 гг.); советский период (1917-1991 гг.); постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время).

Первоначально, в российском уголовном праве формированию состава доведения до самоубийства предшествовало появление ответственности за самоубийство. В самых ранних документальных свидетельствах свое отражение нашли только нормы об ответственности за самоубийство, а впоследствии уголовно наказуемым устанавливалось доведение до самоубийства и покушение на него. Указывается, что вплоть до XVII века регулирование общественных отношений, коррелирующих с самоубийством, производилось на основе религиозного законодательства.

Древнерусское государство до конца X века ассоциируется с преобладанием в общественной жизни общества с обычаями, традициями, обрядами, языческими верованиями. [18] В своих обобщающих трудах по истории России Н.М. Карамзин писал: «славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением христианской веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств...». [19] Помимо вдов, добровольное сжигание было распространено среди рабов, пожилых людей, слуг, которые убивали себя после смерти хозяина.

988 год отмечается принятием христианства на Руси, когда «скоро знамения веры христианской, принятой государем... и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ». [50] Данный исторический период характеризуется закреплением христианства, как государственной религии и

заимствованием культуры наследницы Византии, ее правовых институтов, касающихся различных форм деяний, в том числе причинения смерти. Нельзя не согласиться с мнением профессора С.В. Юшкова о том, что «необходимость применения византийских норм в церковных, уголовных и гражданских делах была вызвана наличием принципиальных пробелов в древнерусском законодательстве». [5]

Впервые доведение до самоубийства находит отражение в Церковном уставе князя Ярослава Мудрого. В данном письменном источнике церковного законодательства, регулировавшем семейно-брачные отношения в ст. 24 краткой редакции указано: «Аже девка не восхочет замуж, а отец и мати силою дадут, а что створить над собою - отец и мати епископу в вине, а истор има платити. Тако же и отрок» [46], что запрещало родителям принудительно выдавать замуж девку и женить отрока. В данном случае к ответственности привлекались родители, если кто-либо из детей произведет акт самоубийства «что створит над собою» [49] или попытается реализовать свой злой умысел. Пространная редакция вышеуказанного Устава в ст. 29 отражала видоизмененную норму, которая закрепляла: «Аще девка не въсхощет замуж, то отец и мати силою дадят. А что девка учинит над собою, то отец и мати митрополиту в вине» [50], что предполагало в отличие от Краткой редакции, обязанность родителей на принудительную выдачу замуж в случае ее несогласия. Не смотря на изменение нормы, это не исключало привлечения к ответственности родителей, в случае самоубийства дочери в результате принуждения. Также новеллой видоизмененной нормы стало отсутствие указания на отрока, разъяснением могло служить изменение положения сына в семье в отличие от дочери.

XV в. в развитии законодательства о доведении до самоубийства считается важной составляющей в истории кодификации российского права. [2] Губная московская запись 1456-1462 гг. выступает древнерусским источником уголовного права, включающая в себя «Записи о душегубстве». В ней воспроизводились нормы, устанавливающие судопроизводство по

убийствам-душегубству и предпринята законодательная мысль развития самоубийства. Душегубство характеризовалось не только понятием убийства, но и самоубийства «от своих рук утерется» [50], а также внезапная «без покаяния в грехах» [50] кончина от несчастного случая. Предполагается, что именно с появлением данного закона было законодательно закреплено самоубийство в России.

Таким образом, допетровское законодательство Древнерусского государства содержало иерархичные случаи самоубийств и жертвоприношений, выступающие следствием жестокого обращения, насилия, принуждения общины и религиозных верований. Примечательно, что именно религиозное возмездие было сдерживающим фактором от суицидального поведения на протяжении нескольких веков.

Впервые светская уголовная ответственность за самоубийство и покушение на него зарождается при Петре I. Правление императора обуславливается рядом экономических преобразований, нуждающихся в значительном количестве числа населения, тем самым самоубийства стараются искоренять. Самоубийством считалось преступное, собственноручное лишение себя жизни. Интересным представляется факт, что субъектом преступления, был не тот, кто своими действиями склонял к суициду, а непосредственно сама жертва данного деяния. [31] Это объяснялось превосходством в уголовном праве принципа объективного вменения, который обозначал, что самоубийство и убийство - идентичные явления, приводящие к единому последствию - смерти человека. [32]

Наказание было предусмотрено в Артикуле воинском от 26 апреля 1715 г. и Морском уставе от 13 января 1720 г. Н.С. Таганцев писал: «В области посягательств частных в первый раз являются светские взыскания за самоубийство, как оконченное, так и неоконченное».[50] В артикуле 164 закреплялось: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу».[8] Как видно из содержания вышеуказанного документа, Артикулом

устанавливалось позорное и унижающее наказание в виде публичного волочения тела по улицам города, с последующим закапыванием в бесчисленном месте за пределами кладбища.[10]

Законодатель действуя по аналогии с римско-византийской правовой системой установил смягчающие обстоятельства ответственности за попытку самоубийства: «А ежели кто учинил в беспамятстве, болезни, в меланхолии, то оное тело в особливом, но не в бесчестном месте похоронить. И того ради должно, что пока такой самоубийца погребен будет, чтоб судьи наперед о обстоятельстве и притчинах подлинно уведомились, и чрез приговор определили б, каким образом его погребсти». [50] Самоубийство при таких смягчающих обстоятельствах позволяло не применять унижающей процедуры и захоронить тело самоубийцы в традиционном формате, но также за пределами кладбища. [18] В виде исключения, можно было встретить случаи освобождения от наказания при таких обстоятельствах как, смерть из-за любви к родине, ради защиты государства, желания сохранения своей чести и достоинства.

Другой не менее значимый документ периода правления Петра I, повторивший постановления Воинского устава является Морской устав 13 января 1720 года. Данный документ также сопоставлял самоубийство и убийство. Так, глава 15 «О смертном убийстве» в статье 117 закрепляла: «Кто захочет сам себя убить и его в том застанут: того повесить на райне; а ежели кто сам себя уже убьет, тот и мертвой за ноги повешен быти имеет». [2] Но в отличие от Устава Воинского здесь законодателем был расширен круг обстоятельств, исключающих применения наказания за покушение на самоубийство: «от мучений и несносных налогов, меланхолических болезнях или в беспамятстве». [2]

Уголовная ответственность за самоубийство в России в имперский период характеризовалась схождением духовного и светского права и трансформации Петром I в своем нормотворчестве норм зарубежного законодательства, основанного на римском праве. Положения императорского

законодательства признавались в течение 120 лет. Они «продержались, по крайней мере в законе, и во все позднейшие царствования; даже философия XVIII в., так резко восставшая против наказуемости самоубийства, не произвела в этом отношении никакого заметного влияния на наше право». [50]

Гениальное достижение русской правовой мысли первой половины XIX в. – Свод законов Российской империи в 15 томах, опубликованный в 1832 г. и вступивший в законную силу 1 января 1835 г. и с этого момента единственный законный источник отечественного права. В Свод законов уголовных, в главе II «О смертоубийстве», раздела VI «О преступлениях против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц», была введена категория IV «О самоубийстве», в которой содержались статьи 347 и 348, устанавливающие ответственность за самоубийство и покушение на него. Данные нормы были усвоены из Воинского артикула Петра I, не считая норм о поругании тела самоубийцы. Согласно ст. 347: «Самоубийца лишается христианского погребения, если доказано будет, что он лишил себя жизни не в безумии и не в беспамятстве». [50]

А.В. Лохвицкий объяснял введение этого наказания следующим образом: «Так как погибших от самоубийства нельзя было подвергать обыкновенным наказаниям, и это именно такое преступление, против которого бессильны обыкновенные наказания, потому что оно имеет целью лишение себя жизни, то придуманы были такого рода особенные наказания, мысль о которых еще при жизни должна была терзать решившегося на самоубийство, именно — лишение христианского погребения. Для людей с религиозным чувством мысль, что они будут лежать не на кладбище, среди своих родных, а будут зарыты вместе с падалью, что их безвестная могила не будет предметом культа для их детей и родственников, составляет тяжкое страдание». [50]

Ответственность за покушение на самоубийство отражена в ст. 348: «Кто на самом деле изобличен в намерении лишить себя жизни и в том воспрепятствован был токмо внешним обстоятельством: того наказывать, если

сие намерение было предпринято не от мучения, несносной налоти, досады, стыда или в беспамятстве огневых и меланхолических болезней, как за покушение к смертоубийству». [50] Если же самоубийца добровольно воспрепятствовал доводить преступление до конца, то покушение не являлось преступным, т.е. не влекло никакого наказания.

Вторая половина XIX – начало XX века представляют прогрессирующий скачок в развитии российского уголовного законодательства о самоубийстве. Его особенностью становится изменение правового взгляда на уголовную политику Российской империи, объясняющуюся активной познавательной, научно-просветительской деятельностью отечественных ученых и правоведов, разработавших фундаментальный теоретический материал, который послужил последующей декриминализации самоубийства и установлению юридически закрепленного запрета деяний, как-либо связанных и причастных к суицидальному поведению. [18]

Впервые в Российском законодательстве норма об ответственности за самоубийство, причиной которого были деяния иных лиц, а не самой жертвы, появляется при Николае I в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. Уложение признано считать первым уголовным кодексом Российской империи и впервые в данном документе самоубийство возводится в категорию самостоятельного преступления против жизни, закрепленного в отдельной главе «О самоубийстве», раздела X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». «Но - указывал Н.С. Таганцев, - иначе относится к самоубийству наше Уложение, создающее для него даже особенную главу в X разделе...». [50] Впервые закрепляются нормы о самоубийстве, покушение на него и пособничестве ему - иными словами склонении. [21] Уложение также вводило норму о побуждении лицом, который обладал какой-либо властью, к самоубийству зависимого от него человека. Таким образом, первый раз в истории уголовного законодательства произошло установление состава доведения до самоубийства.

Ответственность за оконченное самоубийство закреплялась в ст. 1472, которая гласила о том, что в случае причинения себе смерти умышленно и не в беспамятстве, самоубийца наказывался упразднением завещания, а если он причислялся к одному из христианских вероисповеданий – как и ранее лишался христианского захоронения.

Ст.1473 регламентировала наказание за покушение на самоубийство. В соответствии с ней уличенный в покушении на самоубийство в здравом уме, когда умысел его был остановлен иным лицом, предавался христианскому покаянию по распоряжению церковной власти. Умалишенный с рождения в случае покушения на свою жизнь безотлагательно помещался в дом умалишенных, вне зависимости от волеизъявления родителей и родственников самим присматривать за ним и лечить его.

Также, Уложение установило «специальные обстоятельства, извиняющие самоубийство», закрепленные в ст.1474: «Постановления, в предыдущих (1472 и 1473) статьях означенные, не относятся к случаям, когда кто-либо по великодушному патриотизму подвергнет себя очевидной опасности или прямо верной смерти для сохранения государственной тайны или в других подобных случаях, а равно, если женщина лишит или покусится лишить себя жизни для спасения целомудрия и чести своей от грозившего ей и никакими другими средствами неотвратимого насилия». [50]

Ст. 1475 регламентировала ответственность за склонение к самоубийству: «за склонение другого к самоубийству или же через доставление средств к тому, или иным каким-либо образом будет участвовать в совершении им сего преступления тот за сие подвергается наказанию, определенным за пособие в убийстве, учиненном с обдуманном намерением или умыслом». [10] Исходя из смысла вышеуказанной статьи, можно утверждать, что на момент принятия данного уложения, лица склонявшие жертв к самоубийству могли избежать уголовной ответственности, в силу отсутствия в тот временной промежуток ответственности за деяния подобного характера. [23]

Помимо вышеуказанных статей, в ст. 1476 был закреплён состав побуждения лицом, обладающим какой-либо властью, к самоубийству зависимого от него лица, то есть состав доведения до самоубийства лица, зависимого от виновного: «Родители, опекуны и другие облечённые какой-либо властью лица, которые чрез явное, соединённое с жестокостью злоупотребление власти, побуждают подчинённое им или вверённое их попечению лицо к самоубийству, подвергаются за сие: лишению некоторых особенных, на основании ст. 50 сего Уложения, прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырёх месяцев, сверх того, если они христиане, предаются церковному покаянию по усмотрению своего духовного начальства». [49]

То, что данный состав преступления не что иное как состав доведения до самоубийства и его первичность в российском уголовном законодательстве, утверждали и утверждают российские дореволюционные и современные правоведы. Так, А.В. Лохвицкий считал: «Хотя самоубийство составляет свободный акт лица, но закон предусмотрел тот случай, когда оно совершается вследствие жестоких притеснений лиц, имеющих власть... Это постановление специальное; при других преступлениях лица, имеющие власть, не наказываются, хотя бы их жестокое обращение довело виновных до совершения законопреступного деяния...». [49]

Николай II 22 марта 1903 г. утверждает проект нового Уголовного уложения, являлся основополагающим нормативным актом России в области материального уголовного права. Данный документ послужил основой для дальнейшего развития советского уголовного права и именно с этого момента считается целесообразным проводить сравнительную характеристику действующего уголовного закона России.

Преступления против жизни не занимали главенствующее место, и размещение получили лишь в главе XXII. Уложение отменяло ответственность за самоубийство и вводило ответственность за содействие самоубийству путем доставления средства или подговор к нему. Также не

нашло отражение в новом законе доведение до самоубийства. В.Д. Набоков обращая на это внимание писал: «Уложение о наказаниях создавало в ст. 1476 *delictum sui generis*... Действующее уложение такого проступка не знает». [49]

Впервые устанавливались особые правила, устанавливающие охрану жизни лиц, не достигших двадцати одного года, а также человека недееспособного. Наказание оставалось достаточно жестким: за пособничество наказывали заключением в исправительный дом до 3 лет, а в отношении отдельных категорий лиц – каторга до 8 лет. Помимо вышеуказанного, Уложение предусматривало ответственность в отношении лиц, поставивших жертву под условия совершения суицидального акта «от жребия или иного условленного случая» [45], что было новшеством в отечественном уголовном законодательстве.

С приходом советской власти, формами борьбы с самоубийствами становился выпуск органами власти отдельных нормативных актов. С 1922 года происходит переосмысление в сторону непризнания самоубийства преступлением.

Первый советский УК 1922 г. не отразил ответственности за самоубийство и доведение до него, а лишь выделил ответственность за содействие либо подговор к самоубийству несовершеннолетнего или недееспособного лица и отразил ее в ст. 148 Кодекса. Законодателем был введен квалифицированный состав, в случае если жертвой самоубийства выступал несовершеннолетний или недееспособный человек. В самом составе преступления отражался способ доведения до самоубийства – содействие. [28] Значение раскрывалось как любая помощь, которая могла иметь выражение в создании условий для реализации умысла на самоубийство. Самым простым способом выступал «подговор» - психологическая конструкция, способствующая овладению волей жертвы. [32] Субъектами данного преступления зачастую считались лица, от которых потерпевшие были в некоем зависимом положении в связи с родительски-детскими отношениями. Наказание предполагало лишение свободы на три года.

Уголовный кодекс 1926 г. восполнил пробел предыдущего закона и включил в свой состав норму, ранее уже отображенную в Уложении 1845 г. – доведение до самоубийства. В ч. 1 ст. 141 УК закреплялась ответственность за «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него». [49] Наказанием за это деяние было лишение свободы на срок до пяти лет.

27 октября 1960 г. выходит третий по счету Уголовный кодекс РСФСР, который приобрел законную силу с 1 января 1961 г. Ст.107 Кодекса закрепляла ответственность за доведение до самоубийства или покушение на него лица, «находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, путем жестокого обращения с потерпевшим». [49] Нововведением стало появление в диспозиции признака – систематическое унижение личного достоинства потерпевшего. Наказание предусматривалось аналогичное предыдущим Уголовным кодексом – до пяти лет лишения свободы. Закон исключил из списка наказуемых деяний содействие или склонение к самоубийству. По этому поводу ряд ученых считают, что эти способы совершения преступления выступают квалифицирующими признаками убийства. [5]

Норма об ответственности за самоубийство не имела развития с 60-х годов прошлого века, до самого момента введения УК РФ в 1996 г. В действующем Кодексе ответственность за доведение до самоубийства закреплена в ст. 110 УК РФ. В отличие от предыдущих кодексов, из ст. 110 УК РФ была исключена часть, содержащая в себе речь о материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного лица. Благодаря этому круг, определяющий субъекта данного преступления, увеличился. В таком положении норма просуществовала более двадцати лет, после чего в России произошел всплеск подростковых суицидов, что стало причиной дополнения уже существующих норм ст. 110.1 и ст. 110.2. [5]

Таким образом, самоубийство как явление наблюдается с момента образования Древнерусского государства. Первым упоминанием о доведении

до самоубийства служит Устав Ярослава Мудрого, который в дальнейшем предопределил появление аналогичной нормы в последующих законодательных актах, в том числе действующий Уголовный кодекс. Отношение к самоубийству исторически изменялось, проходя путь от криминализации деяния до декриминализации, с одновременным установлением табу на те или иные формы причастности к суицидальным проявлениям. Исходя из характера и уровня общественной опасности, российское уголовное право в разные исторические промежутки относило деяния в виде доведения до самоубийства, склонение к нему, а также содействие в нем к различным категориям (от среднего до особо тяжкого). В связи, с чем происходило коренное изменение правовой оценки и системы наказаний в целом.

1.2 Уголовно правовой анализ за доведение до самоубийства по зарубежному законодательству

Термин «суицид» впервые употребил в своей книге Томас Браун «Religio Medici», опубликованной в 1642 г. Тем не менее, в литературе встречаются отсылки на возможность появления его уже в 10 веке. Чаще использовалось понятие «самоуничтожение», что понималось, как смерть человека в результате убийства самого себя, что заведомо предполагало осуждение и наказание со стороны церкви и общества.

Вызовы настоящего времени предопределяют необходимость изучения феномена самоубийства и доведения до него в ряде зарубежных государств. Общеизвестно, что преобладающее большинство государств как прошлого, так и настоящего не одобряли суицид, устанавливая ответственность за его совершение. Хотя из любого правила следуют исключения – связаны они с ритуальными убийствами, например: в Индии (сати) и Японии (харакири) к самоубийству относились с почтением. [20] В настоящем, практически все страны, изучив данный феномен убеждены, что самоубийство как

самостоятельное деяние не должно наказываться в уголовно-правовом аспекте. [25] Центральное место проблемы самоубийств переместилось из Западной Европы в Восточную Европу и теперь по предпосылкам исследователей перемещается в Азию. [9]

Однако ряд стран до настоящего момента предусматривают уголовную ответственность за покушение на самоубийство, например, как: УК Бангладеш 1860 г. в ст. 309, УК Пакистана 1860 г. в ст. 325, УК Южного Судана 2008 г. в ст. 215.

УК США не предусматривает ответственности за покушение на свою жизнь. Тем не менее, в судебной практике встречаются случаи осуждения за данное деяние. «Так, в феврале 2018 г. в штате Мэриленд, где до сих пор используется английское общее право, был осужден за попытку самоубийства 56-летний мужчина. Он признал себя виновным в окружном суде округа Каролина и приговорен к трем годам условного тюремного заключения с испытательным сроком». [51] Также обратимся к следующему примеру: в штате Вашингтон самоубийство не только считается нормальным явлением, но оно также оплачивается страховкой. Люди, болеющие неизлечимыми заболеваниями, от своих страховых компаний получают письма следующего содержания: «препарат для поддержания вашей жизни

очень дорогой для фирмы, но страховая компания готова оплатить процедуру

самоубийства любой медицинской клиники». [15] В штате Колорадо существуют специальные дома для умерщвления. Исследователи поясняют, что в штатах, в законах которых закреплено самоубийство, не подразумевается никаких проверок за действиями врачей. А, следовательно, врачи являются распорядителями и «палачами» жизнью людей.

Для осмысления сущности уголовной наказуемости и запрета доведения до самоубийства, важное значение имеет раскрытие объективной стороны. Иностранное право содержит разные формы доведения до самоубийства и представляется правильным рассмотреть каждую из них. Так, выделяют:

подстрекательство к самоубийству, помощь в самоубийстве, склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, а также его одобрение.

Подстрекательство и помощь в самоубийстве является наиболее распространенным составом. Так, УК Франции в ст. 223-13 указывает, что уголовно наказуемым считается «подстрекательство другого человека к самоубийству, если оно повлекло самоубийство или попытку самоубийства» [31], также статья закрепляет квалифицирующий признак, устанавливающий более строгое наказание: «если потерпевший от преступного деяния, является несовершеннолетним лицом, не достигшим пятнадцатилетнего возраста». [31] Интересным представляется применение французского уголовного права, которое относит к преступлениям пропаганду и рекламу товаров, которые могут стать вспомогательными предметами для совершения суицида (ст. 223-14 УК Франции). Помимо Франции подстрекательство к самоубийству устанавливают Австрия, Бразилия, Польша, а также США. [32]

Для дальнейшего исследования обратим внимание на УК Испании. Преступлением в этой стране считается содействие самоубийству с наличием отягчающего обстоятельства – смертью потерпевшего. Кроме того, ст. 143 УК Испании закрепляет: «тот, кто причиняет или активно содействует причинению смерти другому человеку, по его настоятельной, серьезной и ясной просьбе, если жертва страдала от тяжелой болезни, определенно приведшей бы к смерти или причиняющей ему постоянные тяжкие страдания, наказывается на одну или две степени ниже». [12] Таким образом, можно сделать вывод, что уголовное законодательство Испании обращает внимание на мотив сострадания и просьбу самого лица в связи с происходящей ситуацией для признания их смягчающими ответственность и квалифицируется содеянное лишь как помощь в самоубийстве.

Также, хотелось бы упомянуть, что часто под содействием самоубийству в качестве примера приводят действия врачей по оказанию помощи в уходе из жизни тяжело болеющим путем медицинских манипуляций. На практике данное явление называют «убийства из милосердия». [32] Мы считаем, что

такие действия врачей нельзя считать эвтаназией в чистом виде, поскольку у них разные цели. Так, помощь врача в самоубийстве своей целью видит действия направленные на облегчение страданий больного, решение о собственной кончине принимает сам пациент, а эвтаназия предусматривает такую цель как осознанное прописывание смертельной дозы врачом, чтобы прервать жизнь больного.

Интересное положение занимает США в данном вопросе: так, врач привлекается к уголовной ответственности за «оказание помощи», но в определенных штатах врачи обходят закон и выписывают пациентам рецепты таких препаратов, а не дают его сами.

Начало признанию допустимости эвтаназии положили Нидерланды, позже тот же путь выбрали Бельгия, Швейцария и Колумбия. В Швейцарии распространение получил так называемый «суицидальный туризм». [32] Смысл его заключается в том, что в эту страну приезжают люди, проживающие в странах запрещающих эвтаназию. Совершить самоубийство им помогают на коммерческой основе несколько определенных клиник. В России эвтаназия запрещена.

Таким образом, на сегодняшний день, не находится единого мнения о законности эвтаназии. С одной стороны, гуманистические воззрения не могут не понимать плюсы прекращения страданий больного человека, а с другой, любое развивающееся государство считает, что лишение жизни другого человека не что иное как преступление.

Законодательство Швейцарии, как и законы Испании, признает преступлениями склонение и пособничество в самоубийстве, но с отличительной особенностью субъективной стороны состава, а именно наличие определенного мотива. Это закрепляет ст. 115 УК Швейцарии: «кто из корыстных мотивов склоняет кого-либо к самоубийству или оказывает ему в этом помощь, если совершается самоубийство или покушение на него, то...». [12] Отметим, что преступление считается оконченным с момента, когда потерпевший совершил акт самоубийства или покушение на него, т.е. само

склонение, не повлекшее последствий не наказуемо. Установлена уголовная ответственность и в УК Италии, где закреплено «кто убедит другого совершить самоубийство, или укрепит в нем предположение покончить с собой, или окажет ему каким-либо образом содействие при выполнении самоубийства, наказывается такое деяние, если самоубийство последовало».

[14] В данной норме трактуется об ответственности за оконченное самоубийство либо покушение на него. Помимо вышеуказанных стран склонение или содействие к самоубийству также криминализирует параграф 240 УК Дании и Швеции.

Изучая Уголовный кодекс США, мы также можем увидеть, что в нем закрепляется ответственность за склонение к самоубийству. Однако примечателен тот факт, что на территории Соединенных Штатов Америки уголовная ответственность может отличаться в связи с самостоятельной правовой системой каждого штата. Так, например, в законодательстве штата Техас США в ст. 210.5 установлена ответственность «за умышленное доведение до самоубийства, путем применения насилия, физического принуждения, обмана, а также ответственность за пособничество и подстрекательство к самоубийству». [15]

Не обошлось и без зарубежной практики, в которой существуют кодексы и нормы, прямо закрепляющие состав доведения до самоубийства. Отражение данный состав нашел в законодательстве Болгарии и Литовской Республике, однако каждый имеет в себе специфические черты, о которых стоит упомянуть. Ст. 127 УК Болгарии закрепляет: «за то же преступление, совершенное в отношении лица, о котором виновный знает, что оно не способно руководить своими действиями или не понимает характера и значения совершенного ...» [12], что наказывается как склонение, доведение или помощь в самоубийстве. Также УК Болгарии привлекает внимание тем, что в преступлениях против половой неприкосновенности регламентирует квалифицирующий признак, повышающий общественную опасность, такой как «покушение на самоубийство» или оконченное самоубийство, например,

«разврат наказывается лишением свободы на срок от пяти до двадцати лет: 2. если ... или вызвал покушение на самоубийство». [12] Таким образом, страна бывшего Варшавского блока Болгария, за доведение до самоубийства применяет наказание аналогично России, отличие лишь в усиленной уголовной ответственности.

Законодательство Литвы вызывает интерес характерными отличиями от отечественного права по объективной стороне, которая указывает на «склонение человека к самоубийству либо доведение человека до самоубийства путем жестокого или коварного обращения». [12]

Большой интерес вызывает рассмотрение УК бывших союзных республик. Так, УК Азербайджана (ст. 125) и УК Эстонии (ст. 106) предусмотрели по аналогии с УК РФ только простой вид доведения до самоубийства или покушения на него. А что касается уголовных Кодексов Армении (ч. 1,2 ст. 110), Беларуси (ч. 1,2. ст. 145), Казахстана (ч.ч. 1-3 ст. 105), Кыргызстана (ч. 103. ст. 136), Молдовы (ч. 1-3 ст. 150), Таджикистана (ч. 1,2 ст. 109), Туркменистана (ч. 2,3. ст. 106), в них отражено существенное различие с УК РФ: предусмотрено два-три состава – простой, квалифицированный и возможен особо квалифицированный.

Хатуев В.Б. в своей работе указывает: «Практически по всем указанным уголовным кодексам объективной стороной рассматриваемого преступления является доведение до самоубийства или до покушения на него (попытки его совершить). Исключение составляет УК Литвы, в котором не придано криминального значения доведению до покушения на самоубийство». [51]

Рассматривая объективную сторону данного преступления, законодатель всех бывших союзных республик кроме Молдовы подобно России в диспозиции статьи указали способы его совершения. Отмечается, что данный перечень способов исчерпывающий, но альтернативный. «В уголовных кодексах Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана к этим способам аналогично УК РФ отнесены: угрозы (угроза); жестокое обращение с потерпевшим;

систематическое унижение его человеческого достоинства. Действующий УК Кыргызстана по сравнению с предшествовавшим сузил рамки угроз как действий, толкающих потерпевшего на самоубийство, одним видом угрозы: применение насилия, опасного для жизни и здоровья. Уголовные кодексы Грузии и Азербайджана наряду с достоинством выделяют также честь потерпевшего». [51]

С субъективной стороны составы анализируемых статей УК всех стран бывших союзных республик, кроме кодексов Армении и Кыргызстана законодательно не сформулированы: в УК Армении «преступление совершается с косвенным умыслом или по неосторожности. При наличии прямого умысла на доведение до самоубийства или покушения на него содеянное не охватывается данной статьей». [51] Что касается УК Кыргызстана, в нем данное преступление совершается с неосторожностью или прямым умыслом.

В большинстве стран субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее 16-ти летнего возраста. Исключение можно увидеть в УК Грузии и Латвии – с 14-ти лет; УК Эстонии – с 15-ти лет.

Рассматривая страны дальнего зарубежья, в большинстве в них признают уголовно наказуемым склонение к самоубийству или содействие в нем. Об этом еще во времена социализма высказывался выдающийся советский криминалист А.А. Пионтовский, он говорил, что состав доведения до самоубийства «не известен буржуазным уголовным кодексам... Объявляя наказуемым соучастие в самоубийстве, буржуазное уголовное законодательство вместе с тем лицемерно закрывает глаза на доведение до самоубийства лица травлей, жестоким обращением и т. д. Эти действия буржуазные уголовные кодексы не считают преступлением. Доведение до самоубийства таким путем — бытовое массовое явление в буржуазном обществе». [51] Тем не менее, процессы, которые критиковал А.А. Пионтовский, вскоре изменились и законодатели отдельных капиталистических стран уделили внимание криминализации этого деяния.

Что касается законодательства Китая, исследованиями было выявлено, что в этой стране ответственности за доведение до самоубийства не закрепляется. В стране находят отражение лишь превентивные меры, например, эволюционирующая политика Цин в одном из законов установила, что непристойные комментарии в адрес женщины считаются равносильными изнасилованию, если она позже покончила жизнь самоубийством из-за них. [9]

Отдельные государства закрепляют ответственность лишь за помощь в совершении самоубийства, но не подстрекательство к нему. Например, Дания в ст. 240 УК указывает на следующую объективную сторону «любое лицо, которое помогает другому лицу в совершении самоубийства, подлежит штрафу или простому заключению под стражу». [12] Исключением считается увеличение ответственности, если выяснится, что такая помощь совершена из личной заинтересованности.

Законодательство Голландии в одной норме закрепляет ответственность за помощь в совершении самоубийства, пособничество, которое отражено в ст. 297 УК Голландии как «обеспечение для этого другого лица средств» [6]. Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом, в то время как, например, УК Болгарии признает и неосторожную форму посягательства. Умысел также считается обязательным признаком субъективной стороны преступления по УК Республики Беларусь, так ст. 146 закрепляет: «умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него (склонение к самоубийству) ...». [12] Присутствует в УК Голландии также достаточно интересная, но незнакомая российскому законодательству, норма предусматривающая дуэль. И хотя прямого склонения к самоубийству она не содержит, но определенная следственная связь имеет место быть. Так, ст. 152 УК Голландии гласит: «если лицо умышленно передает вызов на дуэль, и если дуэль происходит, подлежит тюремному заключению и штрафу третьей категории». [14]

Наконец, обратимся к законодательству Германии, в котором отсутствует схожая норма со ст. 110 УК РФ. Уголовно-правовая доктрина Германии предполагает, что человек сам решает лишить себя жизни или нет, в связи с чем, добровольное самоубийство склонением, содействием, подстрекательством в УК Германии не наказывается. Но тем не менее, то самоубийство, которое не основано на личном желании, т.е. по собственной воле, квалифицируется либо как убийство, либо как неоказание помощи. Но, тем не менее, уголовное законодательство Германии предусматривает такие составы как убийство по просьбе: ст. 216 Strafgesetzbuch и организованное доведение до самоубийства: ст. 217 Strafgesetzbuch.

Некоторые зарубежные авторы считают, что склонение (подстрекательство) к самоубийству и помощь в нем являются формами (способами) доведения до самоубийства. Другие авторы утверждают, что доведение до самоубийства является разновидностью склонения и содействия к самоубийству и уже охватывается данными терминами. Говорится, что «ошибочным будет полагать, что в тех странах, где предусмотрена уголовная ответственность за склонение или побуждение к самоубийству, доведение до самоубийства не является преступным, поскольку анализ законодательства этих стран позволяет судить о том, что в содержание терминов «склонение» и «побуждение» входят и иные сходные формы воздействия на потерпевшего» [51], что нормы уголовного права тех зарубежных стран, в которых регламентировано склонение и пособничество в самоубийстве, «содержат в себе нормы, предусматривающие возникновение ответственности за доведение до самоубийства через склонение, пособничество, подстрекательство и содействие в самоубийстве». [51]

Мы не разделяем данные утверждения авторов. Склонение и доведение – разные деяния. Отличительной чертой является степень свободы жертвы в выборе поведения: при склонении лицо дает добровольное согласие на совершение самоубийства, хотя и под воздействием виновного, а при доведении находится в беспомощном состоянии, которое выражается в

психологически сложной для себя ситуации. Лицо, оказывается перед выбором собственноручно уйти из жизни или остаться жить и продолжать оставаться под воздействием угроз, издевательств и жестокости, где суицид – кажется выходом. Также отличие можно найти в степени общественной опасности. Опасность доведения до самоубийства «для жизни человека неизмеримо больше, чем опасность простого подговора или пособничества самоубийству». [37] Таким образом, данные преступные деяния являются самостоятельными и на доведение до самоубийства нельзя распространить норму о склонении к самоубийству и наоборот.

Таким образом, преобладающее большинство стран бывших союзных республик также, как и Россия установили наказуемость, за доведение до самоубийства и покушение на него и признали данные деяния преступными. Если же посмотреть на страны дальнего зарубежья, их преобладающее большинство признают уголовно наказуемым склонение к самоубийству или содействие в нем, а доведение до самоубийства криминализировано в единичных случаях и далеко не во всех государствах.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ

2.1 Объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ

Согласно принятому 07.06.2017 г. Федеральному закону № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», видоизменению подверглась ст. 110 УК РФ и звучит она так: «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового». [47]

Рассматривая данную норму, можно заметить, что в ней отсутствует разъяснение понятия «самоубийство», что затрудняет общее понимание сущности данного явления. Например, Ю.А. Чернышева полагает, что это является «определенным препятствием для обоснованного и точного применения норм уголовного закона». [53]

М.И. Ковалев довольно поверхностно определяет самоубийство, как «собственноручное, сознательное и добровольное лишение себя жизни по любым причинам, за исключением случаев сознательного воздействия на человека со стороны других лиц, под влиянием которого он принимает решение уйти из жизни не добровольно, а в силу безвыходной ситуации,

сложившейся по воле этих лиц». [53] Ряд ученых считают, что признаки самоубийства следует определять через понятие «убийство». Если убийство посягает на жизнь другого человека, то самоубийство – умышленное добровольное причинение смерти самому себе.

Таким образом, в связи с отсутствием законодательно закрепленного понятия «самоубийство», до настоящего времени высказываются разнообразные точки зрения касательно природы данного термина.

Рассматривая такой признак, как объект преступления, в российском уголовном праве принято считать, что объект преступления: а) это явление внешнего мира, феномен, то, на что посягает субъект преступления; б) содержанием, воплощением этого феномена являются «общественные отношения» - категория, которая в структуре марксизма является системно более высокой и более абстрактной, чем любая категория уголовного права; в) содержание общественных отношений конкретизируется, и это выявляет существенную разницу во мнениях о том, на какой же объект действительно посягает преступление». [16]

Родовой объект «определенная группа ценностей, на которые могут быть совершены преступные посягательства и которые подлежат уголовно-правовой охране». [16] Статья 110 УК РФ включена в Раздел VII «Преступления против личности». Таким образом, родовым объектом доведения до самоубийства будут являться общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности. Однако в данном понимании личность – это не только человек как *homo sapiens* – биологический индивид, а социальный вид, который является участником общественных отношений и обладает определенным набором качеств, ценностей, прав и обязанностей. [30]

Видовой объект: «это общественные отношения, входящие в группу родового объекта, но объединенные по тождественным признакам». [16] Данный вид преступления расположен в Главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», а значит видовой объект преступления доведения

до самоубийства – общественные отношения, защищающие и обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека независимо от его возраста, интеллектуального развития, физического состояния, а также веры и расы. В.П. Ревин к видовому объекту относит «близкие общественные отношения, на охрану которых направлены нормы, предусмотренные в главах раздела о преступлениях против личности». [1]

Под непосредственным объектом подразумевают «охраняемое уголовным законом благо (или то общественное отношение), против которого совершается определенное запрещенное уголовным законом посягательство». [16] Относительно непосредственного объекта выделяется ряд дискуссий. Согласно основному подходу непосредственным объектом доведения до самоубийства считается жизнь отдельного человека. Но на основании анализа способов совершения преступления ряд ученых утверждают о двуобъектности: так, при толковании ст. 110 УК РФ происходит осознание, что при совершении преступления покушаются на два объекта: жизнь и достоинство человека. Под достоинством понимается совокупность высших моральных качеств, а также уважение и самоуважение человеческой личности. Если мы обратимся к Гражданскому кодексу, то он определяет достоинство, как нематериальное благо, данное с рождения и неотчуждаемое у человека на протяжении всей жизни.

А.А. Пионтовский в качестве непосредственного объекта доведения до самоубийства выделяет предмет, на который направлено воздействие преступника (имущество в различных его проявлениях, личная неприкосновенность, здоровье, свобода человека и др.) Большинство выдающихся ученых разделяет мнение о том, что непосредственный объект – это жизнь человека. К ним можно отнести И.А. Алиева, который подходит к рассмотрению данного явления через соотнесения объекта и общественных отношений. [1]

Помимо вышперечисленной классификации объектов их стоит разграничивать с предметом преступления. Предмет преступления – это

материальная вещь в существующем внешнем мире, в связи или по поводу которой совершается преступление. Иными словами, при совершении преступления, лицо посягает на общественные отношения путем воздействия на предмет. Более конкретизированное понятие предмета преступления отражено в Академическом курсе уголовного права, в котором под предметом понимается «указанный в УК РФ объект материального мира, методом воздействия на который виновное лицо непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления». [7]

В науке уголовного права относительно вопроса о предмете преступления сложилась неоднозначная практика. Существуют утверждения, что предмет в данном составе преступления отсутствует. Ряд других авторов считают, что предметом преступления является личность, а также психика потерпевшего. Таким образом, мы считаем о целесообразности рассмотрения каждого из вышеуказанных подходов.

Так, Д.И. Эльмурзаев считает, что предмет доведения до самоубийства тождественен с предметом убийства. Этот же автор высказывает мнение, что предметом доведения до самоубийства является личность, являющаяся для преступника неким инструментом воздействия на объект преступления, в качестве которых называются блага, обеспечивающие человеческую жизнь.

Ю.А. Уколова утверждает, что к предмету доведения до самоубийства стоит относить не только тело человека, но и его психику.

В качестве аргумента автор считает, что «При доведении до самоубийства воздействие производится на тело (физическое воздействие) и психику (психологическое воздействие) человека. Характерная особенность преступного воздействия на психику потерпевшего при доведении до самоубийства состоит в прямом и непосредственном психическом насилии. Это насилие возможно в различных формах - устной, письменной, жестами - и всегда направлено на конкретное лицо. Воздействуя на психику потерпевшего, виновный пытается добиться от него определенного поведения, совершения (воздержания от совершения) в его интересах определенных

выгодных ему действий. Вред объекту преступления при этом причиняется путем действия жертвы вопреки личным и общественным интересам и выражается в самоубийстве жертвы». [7]

Рассматривая статистические данные, в которых приняли участие 213 респондентов, отвечая на вопрос о предмете данного преступления, сложилась следующая картина: «1) психика потерпевшего – 55,9%; 2) психика и тело потерпевшего – 34,2%; 3) тело потерпевшего – 5,2%; 4) предмет преступления отсутствует – 4,7%». [7]

Таким образом, вышеуказанные концепции зачастую подвергаются критике ряда ученых, которые считают, что психика человека будет считаться предметом преступления, а жизнь человека – объектом преступления. Мы разделяем точку зрения о том, что человек является элементом общественного отношения и называть его предметом преступления нецелесообразно, поскольку это воспринимается как сопоставление его с вещью.

Далее, считаем обязательным рассмотреть объективную сторону преступления, как его обязательный элемент. Наиболее качественное определение объективной стороне преступления дает В.Н. Кудрявцев, который указывает, что «объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата». [30] В уголовном кодексе РФ мы встречаем иную формулировку, так, в ст. 110 под объективной стороной понимается доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства.

Конструкция объективной стороны является, пожалуй, самой дискуссионной темой в исследовании состава преступления доведения до самоубийства. По данному вопросу, считаем правильным рассмотреть все многообразие подходов.

Материальная концепция. Исходя из данного подхода, преступление считается оконченным в момент наступления общественно-опасного последствия, отраженного в законе. А.В. Агафонов считает, что данное преступление считается законченным в конкретный момент наступления общественно-опасных последствий и тем самым признает данный состав материальным. [1]

Формально-материальная концепция. Приверженцы данного подхода, подкрепляют свое мнение тем, что последствия данного состава могут быть выражены как в акте самоубийства, так и в покушении на него. Так, Д.В. Решетников считает, что доведение до самоубийства считается завершенным либо в момент попытки акта самоубийства (покушение), либо в момент причинения самому себе смерти. [1]

И, наконец, формальная концепция. Последователи этого подхода поясняют, что он закреплен непосредственно в законе. Например, А.К. Романов считает, что в ст. 110 УК РФ говорится о доведении до самоубийства, но не о самом акте самоубийства. Иначе говоря, в силу формальности состава, преступление считается оконченным уже в момент доведения, не смотря на последствия.

Таким образом, мы считаем, что конструкция объективной стороны доведения до самоубийства подразумевает под собой формально-материальный состав преступления. Законодатель альтернативно определил два момента окончания преступления: момент покушения на самоубийство – формальный состав, момент оконченого суицида – материальный состав. [53]

Преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия. Это является одним из элементов объективной стороны. Помимо этого, также выделяются следующие элементы: причиненный этими действиями (бездействиями) преступный вред; причинная связь между действием и причиненным вредом.

В качестве обязательного признака рассматриваемого преступления закрепляются способы его совершения: угрозы, жестокое обращение,

систематическое унижение человеческого достоинства. Нельзя не обратить внимания на мнение Ю.И. Уколовой, которая считает, что законодателем были специально объединены способы доведения до самоубийства в 3 большие группы, каждая из которых отравляюще воздействует на конкретную область человека: так, угрозы наносят вред нервной системе, унижение предполагает психическую боль, жестокое обращение – физическую боль. [30]

По мнению П.Н. Сбирунова такой способ как угроза «заключается в умышленных действиях виновного, связанных не только с прямыми высказываниями, в которых выражается намерение применения физического насилия к потерпевшему лицу, но и с такими угрожающими действиями, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия. Для оценки угрозы как реальной не имеет значения, выражено виновным намерение осуществить ее немедленно либо в будущем. В специальной юридической литературе под угрозами применительно к доведению самоубийства понимаются не только угроза физического насилия, но и угрозы уничтожения имущества, ограничения или лишения свободы, разглашения сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, отстранения или увольнения с работы, лишения жилища, развода или отобрания ребенка, лишения потерпевшего необходимой медицинской помощи или помещения потерпевшего в психиатрический стационар и др». [44]

По мнению Н.Ж. Данилиной и Н.Ф. Ангиповой «одним из видов угроз является шантаж – запугивание угрозой разоблачить или разгласить определенную информацию, которая может опозорить потерпевшего, его близких, опорочить его репутацию». [11]

Также, О.В. Ермакова обращает внимание на проблему в отражении способов доведения в диспозиции ст. 110 УК РФ: «Например, абсолютно не конкретизировано в законе, о каких угрозах идет речь. Если действие нормы распространяется не только на угрозы применения насилия, но еще и на угрозы уничтожения имущества, разглашения сведений, то необходимо

учитывать их разную общественную опасность. Соответственно, перечисление способов с различной степенью общественной опасности в одной диспозиции нельзя признать обоснованным». [13]

А.А. Мамчуева указывает, что в данном случае говорится об угрозах во множественном числе, т.е. для квалификации данного преступления обязательно наличие систематичности и неоднократности угроз. Также, согласно мнению Е.В. Буряковской: «Единожды высказанная угроза не может создать непреодолимую психотравмирующую ситуацию, влечь за собой подавление воли личности и нести реальную угрозу жизни и здоровью». [7]

Однако, по мнению Т.А. Новиковой «не имеет значение продолжительность и повторяемость угроз. Не всякая продолжительная угроза может вызвать самоубийство, в то время как однократная угроза может подтолкнуть человека к самоубийству. Или, наоборот, когда угроза принимает характер травли, человек психически ломаясь, может наложить на себя руки». [34] Данную точку зрения поддерживает О.В. Ермакова, которая считает, недостатком указание законодателем термина «угрозы» во множественном числе, «поскольку даже единичное их проявление может привести к неблагоприятным последствиям». Таким образом, мы считаем, что для квалификации действий лица по ст. 110 УК РФ недостаточно единичного эпизода угрозы, необходимо наличие систематичности и неоднократности. [13]

Любая угроза должна обладать рядом обязательных признаков. Так, выделяется реальность угрозы, что обозначает наличие противоправного воздействия на потерпевшего в действительности. Иными словами, человек должен иметь основания опасаться реализации противоправных деяний, выраженных в угрозе. Для признания угрозы как реальной не имеет значения, выражается намерение осуществить ее немедленно либо в будущем. Также, угрозы не должны носить абстрактный характер, т.е. должны быть конкретны. И наконец, угрозы должны провоцировать у потерпевшего чувство

безвыходности ситуации, вследствие чего единственным выходом кажется покончить жизнь самоубийством.

По формам проявления угрозы могут быть как письменными, устными, анонимными, открытыми, могут быть выражены непосредственно в сторону потерпевшего, либо через третьих лиц, а также с помощью сети Интернет.

Следующий способ, отраженный в диспозиции ст. 110 УК РФ – это жестокое обращение. В науке уголовного права выделяются различные точки зрения о природе данного способа. А.В. Чернов под жестоким обращением понимает насильственные действия, причиняющие физические страдания путем побоев, причинения вреда здоровью, связывания. Согласно мнению П.Н. Сбирунова, под жестоким обращением понимаются «действия или бездействие, причиняющее потерпевшему мучительные физические или психические страдания: совершение полового акта в присутствии близкого человека, истязания, применение пыток, заперение и оставление в холодном помещении, длительное лишение пищи, воды, жилья, тепла, света, других жизненно важных потребностей». [44] Можно сделать вывод, что жестокое обращение – это оценочное понятие, которое каждым человеком понимается по-разному, в силу разного уровня психологического развития.

Что касается систематичности и неоднократности, законодатель не указывает на обязательность данных признаков. Таким образом, однократное, но продолжительное проявление жестокости к жертве, может стать отправной точкой для создания психотравмирующей ситуации и как результат подтолкнуть человека к самоубийству.

Последним способом, закрепленным в норме, является систематическое унижение человеческого достоинства. Он характеризуется прямым указанием в законе на такой признак как «систематичность», т.е. данный способ имеет место быть, при наличии ряда совершенных деяний. Однако важным остается вопрос о природе термина «систематичность» и скрывается ли под ним количественный признак.

Известный ученый и юрист Ю.Е. Пудовочкин отмечает, что систематическое унижение человеческого достоинства «это совершение более трёх раз определённых аморальных действий, связанные едином умыслом и отражающие единую линию поведения виновного». [30] В.В. Векленко также полагает, что «систематическое унижение человеческого достоинства это - совершение три и более раза деяний, направленных на умаление достоинства личности в откровенно циничной, резко противоречащей принятой в обществе манере обращения между людьми». [29]

Так, по Приговору Октябрьского районного суда г. Самара А. осужден по ст. 110 УК РФ. Он был признан виновным в доведении лица до покушения на самоубийство путем угроз, систематического унижения человеческого достоинства, совершенное при следующих обстоятельствах. У А., проживающего совместно с бывшей супругой, на почве возникших неприязненных отношений, возник преступный умысел, направленный на доведение А.Н.А. до покушения на самоубийство путем угроз, систематического унижения человеческого достоинства. Реализуя преступный умысел А., систематически угрожал последней применением насилия и убийством, систематически унижал ее человеческое достоинство, оскорбляя А.Н.А. грубой нецензурной бранью. В итоге, А.Н.А., доведенная до состояния безысходности, приняла решение о совершении самоубийства, для реализации которого употребила примерно 50 таблеток препарата, зная о том, что передозировка данного лекарственного средства ведет к угнетению центральной нервной системы и последующей смерти. Однако смерть А.Н.А. не наступила, поскольку ей была оказана своевременная медицинская помощь. [40]

Также, по Постановлению Центрального районного суда г.Тольятти, в действиях П. был найден преступный умысел на доведение лица до покушения на самоубийства, путем систематического унижения человеческого достоинства, при следующих обстоятельствах. Так, П., действуя из личных неприязненных отношений, присылал на телефон Потерпевшей смс-

сообщения, в которых угрожал ей убийством, распространением сведений об интимных сторонах жизни потерпевшей, выражал в ее адрес грубые высказывания, умаляя ее личность как женщины, систематически унижал ее человеческое достоинство, создал обстановку постоянного страха. В итоге, потерпевшая, находясь в состоянии высокого нервно-психического напряжения, в результате психотравмирующей ситуации, складывающейся на протяжении нескольких месяцев, выпила примерно 80 таблеток препаратов «феназепам» и «финлепсин», с целью покончить жизни самоубийством. Однако смерть не наступила в связи с своевременной медицинской помощью. [38]

Таким образом, по мнению законодателя, список способов является исчерпывающим и дополнений не требует, но, тем не менее, данный перечень способов кажется недостаточным среди многих ученых и правоведов.

Р.Р. Галимов уверен, что из-за ограниченного перечня способов, отраженных в ст. 110 УК РФ, затрудняется квалификация преступлений по данной статье, которые несут за собой аналогичную общественную опасность. Его точку зрения поддерживает О.В. Ермакова, которая считает ограничение перечня способов недостатком отражения способов доведения до самоубийства и шагом к затруднению квалификации преступлений. [13]

Также по мнению Д.К. Амировой и Д.М. Гараевой «подобное законодательное ограничение способов совершения этого преступления несправедливо ограничивает возможность квалифицировать общественно опасные деяния по исследуемой норме, в том случае если преступление совершено с применением иных способов». [4]

«При характеристике объективной стороны доведения до самоубийства весьма важной представляется характеристика такого признака, как причинно следственная связь между неправомерными действиями виновного по доведению до самоубийства и совершенным потерпевшим самоубийством или покушением на самоубийство. Чтобы деяние считалось причиной определенного последствия необходимо установить не только то, что оно

предшествовало наступлению этого последствия (временной критерий), но и являлось необходимым и достаточным для наступления соответствующих последствий». [26]

На наш взгляд, предполагается важным понимание специфики развития причинно-следственной связи при доведении до самоубийства. Непосредственным следствием преступного воздействия виновного на потерпевшего считается наличие изменений в психике жертвы, которые связаны с его осознанием о тупиковой ситуации и обозначения ее как безвыходной. Впоследствии, указанные психические процессы в сознании потерпевшего вырабатывают желание выхода из существующей ситуации именно путем самоубийства, что становится непосредственной причиной совершения суицидального акта потерпевшего. При этом, важно отметить, что потерпевший действует на добровольной основе, выбрав именно этот вариант поведения - совершение самоубийства.

Таким образом, хочется отметить, что согласно концепции «необходимого причинения» значение имеет лишь необходимая причинная связь, т.е. случайные последствия закономерно не предполагают наличия уголовной ответственности. На наличие причинно-следственной связи можно указывать только в случае, если преступление совершено способом, закрепленным в диспозиции ст. 110 УК РФ, применение которого предполагает, неотвратимое наступление наказания.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее: установление способа является обязательным при квалификации преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, объясняется это тем, что в случае совершения преступления не закрепленным в законе способом, данное деяние не будет содержать состава преступления. Мы разделяем точку зрения большинства авторов, о том, что закрытый перечень способов доведения до самоубийства затрудняет квалифицировать преступление по данной статье, а также предполагаем, что данное ограничение не охватывает всех возможных современных вариантов совершения данного преступления.

Рассматривая дискуссионный вопрос, касающийся конструкции мы считаем, что конструкция объективной стороны доведения до самоубийства подразумевает под собой формально-материальный состав преступления. Так моменту покушения на самоубийство характерен формальный состав, а моменту оконченного суицида – материальный состав.

2.2 Субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ

Субъект преступления – это лицо, совершившее противоправное, запрещенное уголовным законом деяние (действие или бездействие) и способное нести за него уголовную ответственность. Однако, нести уголовную ответственность может не всякий человек, а только тот, кто отвечает таким условиям, как вменяемость и возраст. [16]

Субъект преступного посягательства, предусмотренного ст. 110 УК РФ является общим. Таким образом, можно выделить ряд характерных признаков. Во-первых, субъектом является только физическое лицо. Субъектами не могут быть юридические лица, животные, а также неодушевленные предметы. Это принципиальное положение нашло отражение в ст. 19 УК РФ. [47] Во-вторых, как было указано ранее, субъектом является человек, обладающий признаком вменяемости. Не любое лицо, совершившее общественно-опасное деяние, считается субъектом преступления. Так, ч. 1 ст. 21 УК РФ раскрывает понятие невменяемости, под которым следует понимать состояние лица, «которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». [47] В-третьих, достижение возраста уголовной ответственности.

Согласно ст. 20 УК РФ уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ подлежит лицо, достигшее 16-летнего возраста.

«Под субъективной стороной уголовно наказуемого противоправного деяния понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Она образует субъективное (психологическое) содержание преступления, не поддается непосредственному восприятию органами чувств человека, познается путем анализа и оценки поведения преступника и всех обстоятельств совершенного преступления, раскрывается через понятия вины, мотива и цели». [54]

Вина – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно-опасному деянию и его последствиям, предусмотренным уголовным законом. «В совокупности содержание вины образуют два элемента: сознание (интеллектуальный элемент) и воля (волевой элемент). В зависимости от определенности и интенсивности указанных элементов вина делится на формы, а в пределах формы - на виды. Согласно ст. 25 УК РФ умысел бывает прямым и косвенным, а неосторожность может проявляться как легкомыслие или небрежность (ст. 26 УК РФ)». [54]

Вопрос о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, вызывает в юридической литературе серьезные споры. Как правило, на практике встречаются определенные сложности и споры среди выдающихся правоведов, касающиеся вопроса формы вины. Это объясняется спецификой существующей редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». [47]

«С одной стороны, поскольку в ч. 1 ст. 110 УК РФ нет указания на совершение преступления по неосторожности, то доведение до самоубийства совершается с умышленной формой вины. Но, с другой стороны, ряд исследователей толкует норму ч. 2 ст. 24 УК РФ с учетом слова «только», а это значит, что субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется

любой формой вины». [47] Однако, доминирующая правовая позиция судебной практики о субъективной стороне доведения до самоубийства заключается в том, что уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее преступление лишь в случае умышленного деяния.

Так, по приговору Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края 22 марта 2017 года Вакуликова Ю.В. осуждена по ст.ст. 156, 110 УК РФ. Она была признана виновной в доведении своей дочери до самоубийства, а также ненадлежащем воспитании несовершеннолетней. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Вакуликова Ю.В., на протяжении нескольких лет, ненадлежащим образом исполняя свои обязанности по воспитанию несовершеннолетней, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления негативных последствий в виде не обеспечения нормального развития дочери, понимая, что она находится от нее в зависимом положении, жестоко, пренебрежительно и грубо обращалась с ней, путем применения психического насилия в виде неоднократного высказывания в адрес А. оскорблений и угроз, а также применяя в отношении последней физическое насилие (побои). Вследствие чего создала длительную психотравмирующую ситуацию, сформировав у несовершеннолетней чувство ненужности и безысходности, что привело несовершеннолетнюю к решению лишиться себя жизни. В результате указанных действий Вакуликовой Ю.В., несовершеннолетняя А. зашла в ванную комнату, находясь в состоянии сильной эмоциональной напряженности и подавленности, причинила себе смерть через повешенье, совершив самоубийство. [41]

Кроме того, в Бюллетене Верховного суда можно увидеть следующее: «Уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом...». [42]

Некоторые авторы полагают, что данное преступление может быть совершено только с косвенным умыслом, т.е. «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность

наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично». [47]

Так, по Приговору Ломоносовского районного суда г. Архангельск 29 сентября 2017 г. Ильин В.В. был осужден по ст. 156, п. «в» ст. 112, ст. 110 УК РФ. Он был признан виновным в доведение лица до покушения на самоубийство путем жестокого обращения и систематического унижения, а также в ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетней дочери. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Ильин В.В. предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде самоубийства И., но относясь безразлично, на протяжении года систематически оскорблял ее в грубой, неприличной форме, унижая ее честь и достоинство, избивал И., руками и ногами, наносил побои по голове и животу, причинив тем самым вред средней тяжести. В результате совершения всех вышеуказанных действий и У. развилось психическое расстройство, а также длительное расстройство здоровья, появилась тревожно-депрессивная симптоматика, ощущение безысходности и безнадежности. И., находясь в состоянии сильной эмоциональной напряженности и отчаяния, вызванных длительной психотравмирующей ситуацией, желая избежать жестокого обращения в ее адрес со стороны отца приняла решение выпрыгнуть из окна высотного здания. Однако свои действия довести до конца не смогла, по не зависящим от нее обстоятельствам, т.к. была своевременно остановлена педагогами К. и К. а также знакомыми Ш., Н., Ч., Ш. [43]

Также, распространение получила точка зрения, что данное преступление совершается только с прямым умыслом. При прямом умысле «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления». [47]

Приверженец данного подхода В.Ш. Аюпов, относит доведение до самоубийства к преступлениям, совершенным с прямым умыслом, в связи с

тем, что именно осознаваемое стремление, а также желание и действия преступного лица вызывают у потерпевшего стремление принять для себя решение о самоубийстве.

Тем не менее, ряд экспертов считают, что если установлено, что доведение до самоубийства совершено с прямым умыслом, то содеянное квалифицируется не по ст. 110 УК РФ, а как убийство (ст. 105 УК РФ). «Некоторые подчеркивают при этом, что только действия в отношении несовершеннолетнего или находящегося в беспомощном состоянии следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти, и квалифицироваться они должны по ст. 105 УК РФ». [11] Первую точку зрения поддерживает С.В. Бородин, такова и позиция Верховного суда РФ.

«Так, кассационным определением данной инстанции был признан законным и обоснованным приговор Архангельского областного суда в отношении Ш. и К., виновных в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела Ш. и К. с целью проучить за жестокое обращение с женой (родственницей Ш.) пришли в дом к П. и начали его избивать. П., признав себя неправым по отношению к супруге и утверждая, что он после всех своих действий не достоин жизни, попросил дать ему возможность повеситься на чердаке дома. Однако Ш. и К. отказали ему в этом, объяснив, что вешаться в доме – плохая примета, и предложили выйти для осуществления данного намерения на улицу. Ш. и К. связали руки П., и они втроем отправились на берег реки. Потерпевший, будучи значительно сильнее и крупнее Ш. и К., не сопротивлялся действиям последних. Выбрав подходящее дерево, Ш. залез на него и перекинул веревку через ветку. П. самостоятельно стал на лежащее рядом бревно. К. надел петлю на шею П. и другой конец веревки закрепил на стволе. Ш. и К. отошли в сторону. П. шагнул с бревна, но веревка не натянулась, после чего он сам подогнул колени, что и вызвало затягивание петли. Ш. и К. подождали некоторое время наступления смерти П., затем сняли с дерева и закопали его труп. В процессе предварительного следствия и разбирательства уголовного

дела в суде обвиняемые настаивали на вменении им ст. 110 УК РФ, объясняя это тем, что не имели умысла на убийство П. Однако Верховный Суд Российской Федерации расценил их действия как убийство». [54]

Не смотря на четкую позицию Верховного Суда по этому вопросу, суды при характерном принуждении к убийству квалифицируют деяние по ст. 110 УК РФ. Мы разделяем позицию Верховного Суда, т.к. при характерном принуждении к убийству (связывание рук, надевание петли и др.) существует безвыходность ситуации, которая находится под контролем только виновного лица. «Надевая петлю» виновный убивает, а не доводит человека до самоубийства.

В литературе также встречается позиция Ю.А. Уколовой, которая считает, что квалификация действий по ст. 110 УК РФ охватывается неосторожностью в виде небрежности. В качестве аргумента высказывается, «угрозы, жестокое обращение с потерпевшим, систематическое унижение человеческого достоинства, использованные для оказания максимально сильного давления на психику человека, являются изощренным, циничным способом совершения убийства». [44]

Таким образом, даже краткий обзор точек зрения отражает, что нечеткость формулирования уголовно-правовой нормы способствует ее малоэффективному применению и является корнем проблем для правоприменителя. По нашему мнению общественно опасное деяние преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ состоит из активных, волевых, сознательных действий, которые выражены в способах совершения преступления. Отсюда можно сделать вывод, что по отношению к общественно опасному деянию имеет место быть только умышленная форма вины. Неосторожность может быть только по отношению к наступившим последствиям. К последствиям доведения до самоубийства можно причислить: истязания (ст. 117 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), а также вымогательство (ст. 163 УК РФ). Мы считаем, что данное преступление

характеризуется двойной формой вины, где имеет место быть разграничение между наличием умысла к общественно опасному деянию и неосторожности к наступившим последствиям и умыслом к общественно опасному деянию и умыслом к наступившим последствиям. Уголовная ответственность при умысле соответственно выше, чем при неосторожности, что отвечает принципу справедливости.

2.3 Квалифицирующие признаки доведения до самоубийства, предусмотренные ч. 2. ст. 110 УК РФ

Квалифицирующие признаки преступления - это состав с отягчающими обстоятельствами, включенными в состав преступления и влияющие на квалификацию преступления.

Согласно ч. 2 ст. 110 УК РФ доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство предусматривает следующие квалифицирующие признаки: «а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». [47]

Рассматривая п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ мы можем прийти к выводу о сложности для практики раскрытия и последующей квалификации по данному виду. Напомним, УК РФ в данной части подвергся изменениям в 2017 г., став следствием «информационного шока» в обществе от обнародованных в СМИ случаях самоубийств несовершеннолетних под непосредственным влиянием, так называемых групп смерти, размещенных в социальной сети «ВКонтакте». После ряда возбужденных уголовных дел в 2016 г., руководитель управления

взаимодействия со СМИ Следственного комитета РФ С.Л. Петренко заявила: «Следствие располагает данными о том, что с декабря 2013 по май 2016 г. злоумышленники создали восемь виртуальных сообществ в сети «ВКонтакте», где открыто пропагандировали суициды и склоняли к их совершению несовершеннолетних пользователей...». [17]

К наиболее острым вопросам применения данного квалифицирующего признака следует отнести отграничение данного преступления от убийства (ст. 105 УК РФ). Нельзя не согласиться с мнением Э.В. Рыжова, который указывает, что в современном уголовном законодательстве «общественная опасность доведения до самоубийства несовершеннолетнего выше аналогичных действий в отношении лица достигшего совершеннолетнего возраста». [17] Однако, как указывает автор, так было не всегда.

До внесения изменений в действующий УК РФ, в законе не предусматривалось особых условий наступления ответственности за взаимодействие с несовершеннолетним потерпевшим с намерением доведения его до самоубийства, однако на практике аналогичные действия образовывали состав убийства. Но если мы обратимся к психологии как к науке, мы сможем увидеть, что вывод о невозможности соответствующей оценки смерти несовершеннолетними в силу их возраста и отсутствия опыта может расходиться с реальностью. Представляется, что мнение о том, что малолетние не осознают истинные последствия смерти, является ложью.

Поэтому на практике предпринимались шаги к установлению более точных возрастных и субъективных критериев потерпевших. Такие критерии мы можем увидеть в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Этим пунктом малолетние дети отнесены к лицам, находящимся в беспомощном состоянии. Также подобные разъяснения мы можем наблюдать в примечании к ст. 131 УК РФ, так, не достигшие 12-летнего возраста в силу возраста находятся в беспомощном состоянии и эти лица не могут осознавать характер и значение совершаемых с ними действий.

На протяжении долгого времени представителем основных направлений психиатрии был известный психолог и психиатр Зигмунд Фрейд, а впоследствии его опыт переняли его последователи. Их работы базировались на том, что «ребенок не в полной мере осознает и воспринимает смерть и ее последствия, ценность жизни в детских представлениях значительно снижена». [17] Однако, в настоящее время данная точка зрения подверглась критике, что спровоцировало появление ряда работ ученых и исследователей опровергающих ее. Ученые приводят результаты наблюдений и проведенных экспериментов, на базе которых выстраивается вывод, что с наступлением возраста коммуникации (старше трех лет) «дети глубоко озабочены смертью» [17], и эта озабоченность гораздо острее, чем у взрослых.

Таким образом, преобладающая ранее в доктрине позиция, в соответствии с которой доведение до самоубийства малолетнего квалифицировалось до указанных изменений уголовного закона как убийство, была обоснованной в правовом смысле. «Изменив ст. 110 УК РФ путем введения анализируемого признака, законодатель разрешил проблему, установив наказание, которое по своей строгости не уступает наказанию за убийство». [17]

К иным нерешенным вопросам квалификации самоубийств несовершеннолетних мы можем отнести отсутствие конкретизации в вопросе о минимальном возрасте до достижения, которого «несовершеннолетний потерпевший не способен к самостоятельному и добровольному принятию решения об уходе из жизни». [17] Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым на момент совершения преступления исполнилось 14, но еще не исполнилось 18 лет. На основании анализа ст. 131 УК РФ Н.А. Егорова предлагает признавать несовершеннолетними потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ лиц от 12 до 18 лет.

Также приводятся возражения против понятий «несовершеннолетний» и «находящийся в беспомощном состоянии»: «предлагаем для раскрытия

потерпевших в особо квалифицирующем признаке использовать более узкие понятия «малолетний» и «невменяемый», поскольку именно они в большей степени не осознают совершаемые в отношении них действия и характер своих действий, направленных на самоубийство». [11]

Что же касается понятия заведомости преступления, то под ним понимается «хорошо известный, несомненный». К заведомо беспомощным можно отнести потерпевшего, который в силу физического или психического состояния не может оказать должного сопротивления преступнику.

Согласно комментариям В.М. Лебедева беспомощными считаются престарелые, тяжелобольные, инвалиды и др.

Также в диспозиции п. «а» ч. 2 ст. 110 присутствует условие наличия материальной или иной зависимости от виновного. Таким лицом следует признавать того, кто не в состоянии без покровительства виновного лица решать жизненно важные вопросы. Чаще всего на практике к таким лицам относят родителей и опекунов. К иной зависимости относится любая другая зависимость, не материального характера, выражающаяся в подчинении на работе, службе, учебе и др.

Согласно «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ предполагается, что срок беременности женщины для квалификации содеянного значения не имеет. Однако, важным условием выступает факт «заведомости», что означает, что виновный должен осознавать, что он доводит до самоубийства беременную женщину. Осведомленность о беременности может быть выражена в любой форме. Типичными считаются внешний вид потерпевшей, сообщение от самой женщины о своем положении. Предположения о беременности не дает основания для данной квалификации.

«Важное практическое значение имеет правильное установление того, что виновное лицо должно сознавать. Связано это с тем, что оттенки знания об интересующих нас фактах, в частности о возрасте или беременности потерпевших лиц, могут различаться: от «точно знаю» (т.е. «заведомо») до «может, она беременна или лицу столько-то лет, а может и нет», «скорее да,

чем нет», «скорее нет, чем да». Другими словами, эти признаки потерпевшего лица могут входить в структуру интеллектуального элемента умысла в виде знания, предположения, допущения и подобных вариантов, которые говорят о том, что виновный допускал неискключенность наличия соответствующего факта». [52]

Данный вопрос уже давно является дискуссионным и по нему, в частности, нет единого мнения.

Так, Б.С. Никифоров считал, что «законодатель, говоря о сознании, а не о знании общественно опасного характера деяния, имел в виду очертить интеллектуальный элемент умысла довольно широко. Сознает прежде всего тот, кто знает». [52]

В.Н. Кудрявцев, ссылаясь на Б.С. Никифорова, указывал, что «за исключением случаев, когда закон указывает на заведомость, тонкие различия психического отношения не должны влиять на квалификацию, поскольку лицо все равно сознает наличие соответствующего объективного признака». [52]

С другой стороны, А.И. Рарог убежден, что о наличии данных обстоятельств виновный должен знать достоверно: «Ведь по законодательному определению умысел характеризуется осознанием общественной опасности совершенного деяния. А применительно к квалифицированным составам это требование означает осознание повышенной общественной опасности деяния, что предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые и повышают эту опасность... Все прочие, помимо последствий, квалифицирующие обстоятельства, характеризующие особые свойства объекта или объективной стороны преступления, могут быть вменены лишь при условии, что виновному было известно о наличии этих обстоятельств». [52]

Бесспорно, вызывает затруднение у правоприменителя и вопрос квалификации совершения анализируемого деяния в отношении двух или более лиц по п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Ряд авторов считают, что квалифицировать по данной норме «можно только в том случае, когда доведение до самоубийства двух или более лиц было совершено в рамках одного преступления, охватываемого единством умысла и мотива действий виновного лица. В противном случае доведение до самоубийства двух или более лиц должно квалифицироваться по совокупности составов преступлений, предусмотренных ст. 110 УК». [50]

Однако если экстраполировать на анализируемое деяние позицию Пленума Верховного Суда РФ в части убийства двух или более лиц, в соответствие с которой, данное убийство совершенное одновременно или в разное время не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но при условии, что ни за одно из этих деяний лицо не было осуждено. Так и доведение до самоубийства нескольких потерпевших, должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Следующим квалифицирующим признаком является совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». [47] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) разъясняет, что подразумевается под предварительным сговором: «Предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. При этом, наряду с соисполнителями преступления, другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства, и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ». [39]

Согласно ч.3 ст.35 УК РФ: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». [47] ПП ВС № 1 дает разъяснение что может считаться организованной группой: «Организованная группа - это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ». [39]

В правовых источниках признано считать, что данные разъяснения справедливо применимы при квалификации действий, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст.110 УК РФ.

И наконец, последний квалифицирующий признак, предусмотренный п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ: Доведение до самоубийства в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

На практике мы можем заметить такую тенденцию, как трудности с применением данной нормы, в связи с отсутствием законодательно закрепленного термина «публичный». Публичности характерно обращение к широким общественным массам, а также такая форма обращения, которая впоследствии станет доступна многим людям, вспомогательными признаками будут: место, способ, обстановка и др.

Что касается вопроса количества людей, присутствующих при публичном выступлении, хотим согласиться с мнением В.М. Лебедева, который считает, что совершение преступления публично, предполагает присутствие хотя бы одного третьего лица. Таким образом, совершение

анализируемого преступления в публичном выступлении предполагает высказывания в адрес потерпевшего угроз, сведений, унижающих человеческое достоинство, в присутствии хотя бы одного третьего лица, находящегося непосредственно в обстановке выступления.

Под публично демонстрирующим произведением понимаются фотографии, презентации, кино- и видеоматериалы.

При квалификации деяния, по данному признаку следует не забывать, что в таком произведении обязательно наличие способов, закрепленных ст. 110 УК РФ, а именно содержание угроз, эпизодов подвергающих жестокому обращению и унижению человеческого достоинства.

Далее, для понимания сущности доведения до самоубийства, совершенного в средствах массовой информации, считаем нужным обратиться к Закону РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». Так, согласно ст. 2: «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)». [35]

Также, ст. 8 вышеуказанного закона закрепляет: «Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с настоящим Законом. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является». [35]

В связи с этим возникает достаточно логичный вопрос: Как следует квалифицировать доведение до самоубийства, совершенное через сайт, зарегистрированный как средство массовой информации? Если мы знаем, что законодатель разделил данные признаки и одновременно указать оба признака в обвинении нельзя. В данном случае, по мнению большинства ведущих правоведов, необходимо руководствоваться правилами квалификации при

конкуренции части и целого. В данном случае применению подлежит та норма, которая более полно охватывает характерные признаки деяния.

И, наконец, раскрывая такой признак как доведение до самоубийства, совершенного в «средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» [47] считаем правильным дать дефиницию понятию «информационно-телекоммуникационная сеть».

Согласно ст. 2 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «информационно-телекоммуникационная сеть - технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». [48]

В 2016 году было выявлено большое количество фактов самоубийств, совершенных через создателей так называемых «групп смерти».

Например, подросткам предлагалось поиграть в «50 дней до моего самоубийства». Главным условием игры был довольно ранний подъем в 4.20. Каждый день давались задания: нарисовать животных (предпочтительно китов), а затем требовали фотографию порезанных пальцев и рук. Последним заданием считалась смерть подростка, чаще всего администратор данной игры предлагал прыгнуть с крыши. Помимо вышеуказанного, зафиксированы случаи звонков подросткам на телефон с инструкцией последующих шагов к суициду. Для оказания психологического воздействия использовались видеоматериалы со сценами суицида, размещались картинки, графики с непонятным смыслом.

На практике известны и более жесткие способы склонения подростков к суициду. Так, было установлено, что потерпевшим угрожали насилием и причинением вреда здоровью в случае отказа довести игру «до конца».

Таким образом, публичная форма доведения до самоубийства значительно увеличивает общественную опасность преступления. Публичная

оценка предполагает особое значение для человека, т.к. человек не что иное как существо социальное.

Именно поэтому потерпевший реагирует мучительно, вплоть до совершения самоубийства.

Помимо изменений, коснувшихся ст. 110 УК РФ Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ был расширен перечень преступлений, связанных с вовлечением в суицидальное поведение.

В настоящее время уголовный кодекс предусматривает ответственность за: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства, содействие его совершению (ст. 110.1 УК РФ); а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

«Основное разграничение доведения до самоубийства от склонения к его совершению, как нами уже было названо, заключается в характере действий, составляющих объективную сторону преступления.

Так, первое является воздействием на психику или организм человека, направленным на появление желания у потерпевшего оборвать свою жизнь в связи с невыносимыми для него условиями, а второе – это убеждение потерпевшего в необходимости совершения самоубийства». [33]

В отличие от ч. 1 ст. 110 УК РФ, перечень действий направленных на склонение к самоубийству остается открытым, но, тем не менее, «правоведы при этом акцентируют внимание на отсылочном характере ч. 1 ст. 110 УК РФ, а именно на негативном признаке объективной стороны состава, который квалифицирует склонение к совершению самоубийства при отсутствии признаков доведения до самоубийства.

А значит, склонение к самоубийству, несомненно, не может совершаться способами, свойственными доведению до самоубийства». [33]

В качестве критерия дифференциации также выступает момент окончания преступления. По конструкции преступление, предусмотренное ст. 110.1 УК РФ является формальным. «Так, склонение к совершению

самоубийства считается оконченным уже в момент оказания подобного рода воздействия на потенциальную жертву самоубийства, но до самоубийства или покушения на него (за исключением ч.ч. 4-6 ст. 110.1 УК РФ)». [22]

Отличием ч. 1 ст. 110.1 УК РФ от ч. 2 ст. 110.1 УК РФ считается наличие у жертвы собственного желания совершения суицидального акта.

При склонении виновное лицо побуждает у жертвы желание на совершение самоубийства, хотя до вышеуказанного побуждения жертва не желала совершать суицид, в то время как при содействии виновное лицо напрямую помогает жертве уже заблаговременно решившей о лишении себя жизни. Распространение получила точка зрения о таком критерии разграничения преступлений предусмотренных ст.ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ как адресат преступления. [22]

Согласно утверждениям Н.А. Егоровой для ст. 110.2 УК РФ не характерно наличие конкретизированного потерпевшего. Указанные в диспозиции деяния касаются неопределенного круга лиц.

С.В. Дубовиченко и В.П. Карпов разделяют данную точку зрения, аргументируя это тем, что в ст. 110.1 УК РФ подразумевается склонение определенного лица, а в ст. 110.2 УК РФ речь идет о неперсонафицированном склонении.

По поводу данных утверждений высказывается мнение, что объектом преступления, предусмотренного ст. 110.2 УК РФ является общественная безопасность и здоровье населения.

В то же время, в соответствии с диспозициями ст. 110 УК РФ и ст. 110.1 УК РФ предполагается, что воздействие всегда подразумевает адресный характер, т.е. направлено на определенное лицо.

Таким образом, потерпевший является обязательным признаком данных составов преступления.

При этом уголовно-правовая характеристика потерпевшего от вышеуказанных преступлений, во многом совпадает, что является следствием содержания понятия самоубийства.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, посвященного уголовно-правовому анализу преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, можно сформулировать следующие выводы и предложения.

Так, до сих пор остается открытыми вопросы толкования отдельных признаков объективной стороны. В составе доведения до самоубийства способ совершения преступления является обязательным признаком, аргументом выступает, что не каждое воздействие можно признать доведением.

Согласно диспозиции ст. 110 УК РФ к способам доведения до самоубийства (покушения на него) причисляют: угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства. Так, законодателем не было предусмотрено предоставления понятийного аппарата и содержательной стороны угроз, которыми причиняется вред потерпевшему, поэтому разновидность угрозы может быть различной, что на практике предполагает любую противоправную угрозу, которая вследствие привела к лишению себя жизни, рассматривать в качестве способа данного преступления.

Рассматривая такой способ, как жестокое обращение, примечательно, что он характеризуется как совершение активных действий или бездействия, в результате которых потерпевшему причиняются различного рода страдания. Можно сделать вывод, что жестокое обращение является оценочным понятием, которое каждый человек интерпретирует в зависимости от своего уровня психологического развития.

Под систематическим унижением человеческого достоинства принято считать совершение ряда систематических, одинаковых действий, которые могут выражаться в оскорблениях, издевательствах, глумлениях и др.

По мнению законодателя, данный перечень способов исчерпывающий и дополнений не предусматривает. По нашему мнению, данное ограничение не охватывает всех возможных современных вариантов доведения до самоубийства.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым предусмотреть возможность расширенного толкования способов доведения до самоубийства, путем добавления в диспозицию статьи указания на совершение данного преступления иным не перечисленным способом, тем самым переняв опыт таких стран как Япония, Норвегия, Швейцария, Дания. В свою очередь отнесение те или иных действий, направленных на доведение до самоубийства, не рассмотренных в диспозиции статьи, делегировать суду. Данное предложение поможет норме оставаться актуальной и станет вспомогательной для оперативного реагирования на происходящие изменения в обществе.

Также, рассматривая субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ существует разрозненная точка зрения, касающаяся вопроса формы вины. Ряд ученых указывают, что данное деяние зачастую совершается умышленно (чаще с косвенным умыслом и реже с прямым), но также не исключается и неосторожность.

Сложности также объясняются спецификой ч. 2 ст. 24 УК РФ : «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». [43]

Преобладающим является суждение о совершении преступления с косвенным умыслом, но, тем не менее, часть специалистов утверждают, что данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Однако в противовес данной точке зрения, другие указывают, что при наличии прямого умысла, данное преступление совершено с признаками умышленного причинения смерти человеку и должно быть квалифицировано как убийство (ст. 105 УК РФ). Некоторые акцентируют внимание, что только действия в отношении несовершеннолетнего или находящегося в беспомощном состоянии следует рассматривать как убийство.

Мы не согласны с данной позицией, поскольку убийство предполагает действия направленные на причинение смерти непосредственно виновным

лицом. Что же касается самоубийства, то здесь смерть наступает от действия самой жертвы, оно носит добровольный характер. При убийстве у жертвы отсутствует выбор избежать смерти или умереть. Если говорить о самоубийстве, то виновным лицом будет тот человек, который своими действиями довел другого до решения совершения данного деяния.

Учитывая, что большинство пользователей сети Интернет являются подростки, нам кажется целесообразным предложить указывать на признак заведомости знания о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего в квалифицирующем составе, предусмотренном п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Поскольку большинство кураторов подобных интернет-сообществ осознают незрелость психологического развития несовершеннолетнего и целенаправленно работают именно с этой группой лиц, данное изменение должно стать отягчающим признаком данного состава преступления.

Отдельные авторы высказывают суждение, что указанное в ст. 110 УК РФ деяние характеризуется неосторожной формой вины в виде небрежности, приверженцем данной точки зрения принято считать Ю.А. Уколову.

По нашему мнению общественно опасное деяние преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ состоит из активных, волевых, сознательных действий, которые выражены в способах совершения преступления. Отсюда можно сделать вывод, что по отношению к общественно опасному деянию имеет место быть только умышленная форма вины. Неосторожность может быть только по отношению к наступившим последствиям. Таким образом, предлагаем в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ указать на наличие умысла к общественно опасному деянию и неосторожности к последствиям. В ч. 3 ст. 110 УК РФ указать на умышленные действия по доведению до самоубийства, которые привели к умышленному доведению до самоубийства или покушению на него. Уголовная ответственность в таком преступлении, соответственно должна быть выше, чем в ч. 1 и ч. 2 ст. 110 УК РФ, отвечая принципу справедливости.

Также, для прекращения дискуссий о наличии в умышленных действиях, предусмотренных ст. 110 УК РФ, совершенных в отношении несовершеннолетних и находящихся в беспомощном состоянии, признаков преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, считаем правильным также предложить дополнить ст. 110 УК РФ ч. 4, в которой аналогично предусмотреть указанные действия, и приравнять санкцию к ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что, в целом раскрываемость таких преступлений очень низка, что позволяет избежать наказания действительно виновным лицам. Рассматривая судебную практику по данным делам, существует проблема, что каждый субъект РФ те или иные признаки данного состава преступления интерпретирует по-разному. Проблема разрозненности точек зрения также существует у научных исследователей, ученых и правоведов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аверинская С.А. Объективные признаки доведения до самоубийства / С.А. Аверинская, С.С. Давиденко // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 11(38). С. 697-700.
2. Алехин В.П. История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России / В.П. Алехин, Е.Б. Голикова // Достижения науки и образования. 2018. № 10(32). С. 46-48.
3. Аминов И.Г. Самоубийства и их профилактика в Российской Федерации, 2021 год: основные факты : [Электронный ресурс] // Институт демографии имени А.Г. Вишневого Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/print.php>. (Дата обращения: 16.03.2022).
4. Амирова Д.К. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на него / Д.К. Амирова, Д.М. Гараева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 3(41). С. 292-296. – DOI 10.37973/KUI.2020.41.3.005. – EDN BYESFC.
5. Буряковская Е.В. История законодательных изменений об ответственности за доведение до самоубийства / Е.В. Буряковская, Г.А. Агаев // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 1. С. 37-44.
6. Буряковская Е.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства по законодательству некоторых европейских стран // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16-17 мая 2018 года / Под редакцией А.Г. Хлебущкина, Т.Н. Тиминой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 280-282.

7. Буряковская, Е. В. Некоторые проблемы при квалификации доведения до самоубийства по объективным признакам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 68-72. – DOI 10.23672/SAE.2019.2.26720.

8. Воинский артикул 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 327-365.

9. Гасанов Т.К. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в современном зарубежном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 113-115. – DOI 10.23672/t7376-6504-5499-t.

10. Гребенюк А.И. Развитие ответственности за деяния повлекшие самоубийства, в отечественном праве // Форум молодых ученых. 2019. № 6(34). С. 387-394.

11. Данилина Н.Ж. Проблемы толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ): теоретический и практический анализ / Н.Ж. Данилина, Н.Ф. Ангипова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2(45). С. 20-27. – DOI 10.18323/2220-7457-2021-2-20-27. – EDN NPSQML.

12. Дударева К.С. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: российский и зарубежный опыт // Colloquium-journal. 2020. № 4-7(56). С. 11-13.

13. Ермакова О.В. Недостатки отражения в нормах уголовного закона способов доведения до самоубийства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1(40). С. 136-137.

14. Жирнов А.Д. Склонение к самоубийству по законодательству зарубежных стран // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2017. № 2. С. 40-42.

15. Зиновьева А.А. Доведение до самоубийства в зарубежном законодательстве // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 3(56). С. 115-117.

16. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть в 2 т. Том 1 : учебник для вузов / Н.Г. Иванов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Издательство Юрайт, 2020. 275 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-01683-3. - Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/453620>.

17. Иванов А.Л. Особенности квалификации доведения до самоубийства несовершеннолетнего (п. «а» ч. 2. ст.110 УК РФ) // Российский следователь. 2021. № 11. С. 1-7.

18. Идиятуллов А.Д. Преступления, связанные с понуждением к суицидальному поведению, в истории российского законодательства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 23-30.

19. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. Тома III-IV / Н. М. Карамзин. - Москва : Издательство Юрайт, 2019. 254 с. - (Антология мысли). - ISBN 978-5-534-05269-5. - Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/441394>.

20. Квашиш В.Е. Самоубийства и убийства в современной Японии (к проблеме взаимосвязи тенденций) / В.Е. Квашиш, И.М. Настуев // Общество и право. 2017. № 4(62). С. 81-86.

21. Квашина Е.П. Склонение к самоубийству и доведение до самоубийства: история и современность // Уголовное право и процесс: история и современность : материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 95-летию заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН Александра Абрамовича Леви, Москва, 12 мая 2017 года / Российский университет дружбы народов; Под редакцией. Л.А. Букалеровой. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 173-176.

22. Ким В.М. Социальное обоснование криминализации способствования суициду и современная система преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 и ст. 110.2 УК РФ // Юридический факт. 2019. № 76. С. 47-50.

23. Кобзев В.Н. История развития уголовно-правовых норм, квалифицирующих доведение до самоубийства // Молодежь и актуальные проблемы современной науки : Материалы Российской научно-практической конференции, Ставрополь, 17-19 апреля 2018 года / Главный редактор О.Б. Бигдай. – Ставрополь: Филиал ФГБОУ ВО «Московский технологический университет» в г. Ставрополе, 2018. С. 122-124.

24. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

25. Котовская С.В., Розанова Е.В., Соловьев А.А., Нарциссова С.Ю. Психологические и социально- правовые проблемы суицидологии : учебное пособие / С.В. Котовская, Е.В. Розанова, А.А. Соловьев, С.Ю. Нарциссова. – М. : Эдитус. 2020. 120 с.

26. Кулдыркаева Е.В. К вопросу об установлении причинно-следственной связи при доведении до самоубийства // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 12-2. С. 31-33. – EDN ТМТЕВМ.

27. Ларин Д.Н. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Юридический факт. 2021. № 128. С. 28-29.

28. Магомедзагиров С.Х. Уголовно-правовой аспект доведения до самоубийства / С.Х. Магомедзагиров, А.Г. Таилова // Сборник научных статей студентов СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России). 2019. №76. С. 154-156.

29. Малетина М.А. Психическое насилие как способ доведения до самоубийства несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-2. С. 17-18.

30. Мамчуева А.А. Доведение до самоубийства: объективные и субъективные признаки // Теология. Философия. Право. 2018. № 4(8). С. 51-59.

31. Мамчуева А.А. Преступления доведения до самоубийства: история развития и современное положение в УК РФ // Теология. Философия. Право. 2019. № 1(9). С. 49-57.

32. Милова И.Е. К вопросу о развитии представлений об уголовной ответственности за доведение до самоубийства / И. Е. Милова, Е. А. Милова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 1. № 3. С. 105-111.

33. Николаева А.А. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. 2020. № 52 (342). С. 231-232.

34. Новикова Т.А. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Синергия Наук. 2019. № 39. С. 100-113.

35. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 ред. от 01.03.2020 г. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

36. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5460>. (Дата обращения 19.03.2022).

37. Позднякова Ю.А. Ответственность за доведение до самоубийства по Российскому и зарубежному законодательству // Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты : Сборник материалов Ежегодной всероссийской научно-

практической конференции, Москва, 11 декабря 2020 года. – Москва : Российский новый университет, 2021. С. 686-692.

38. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти [Электронный ресурс] № 1-136/2018 от 21 февраля 2018 г. по делу № 1-136/2018. – Режим доступа : <https://centralny--sam.sudrf.ru>.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] №1 от 27 января 1999 (ред. от 03.03. 2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

40. Приговор Октябрьского районного суда г. Самара [Электронный ресурс] № 1-226/2016 от 21 июля 2016 г. по делу № 1-226/2016. – Режим доступа : <https://oktyabrsky--sam.sudrf.ru>.

41. Приговор Верхнебуреинского районного суда по уголовному делу № 1-12/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

42. Приговор в отношении лица, осужденного по ст. 110 УК РФ, отменен, производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления (извлечение). Бюллетень Верховного Суда. 2003. № 4. URL: <http://www.vsrfl.ru/documents/newsletters/1628/>. (дата обращения: 10.04.2022).

43. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска [Электронный ресурс] № 1-219/2017 от 29 сентября 2017 г. по делу № 1-219/2017. – Режим доступа : Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

44. Сбирунов П.Н. Проблемные вопросы определения и совершенствования состава доведения до самоубийства // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 42-1(42). С. 14-18.

45. Синицина В.В. История развития уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно - исполнительного права и криминалистики : Материалы VII Международной научно-практической

конференции, Саранск, 20 сентября 2018 года / Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Саранск : ЮрЭксПрактик, 2018. С. 189-193.

46. Устав князя Ярослава о церковных судах (Краткая и Пространная редакции) // Российское законодательство X-XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 168-170, 189-192 См.: Краткая редакция Устава князя Ярослава. Комментарий // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. С. 172.

47. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 г. № 25. ст. 2954.

48. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

49. Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 27-40.

50. Хатуев В.Б. Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее//Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 81-95.

51. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 50-69. – DOI 10.12737/jflcl.2021.029.

52. Хатуев В.Б. Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих

признаков преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 1-15.

53. Чернов А.В. Об особенностях объективной стороны доведения до самоубийства / А.В. Чернов, С.В. Габеев // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 28 апреля 2020 года. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 119-123.

54. Чумакова И.И. Доведение до самоубийства: особенности субъективной стороны // Ius Publicum et Privatum. 2020. № 1(6). С. 30-33.